

ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ю. Ф. Иванов

О гуситском движении имеется огромная литература. В разработку этой важной исторической проблемы вносят свой вклад и советские ученые. Их успехам способствовало наличие восходящей еще к концу 30-х — началу 40-х годов прошлого столетия русской историографической традиции по указанной проблеме. Ее исследованию и посвящена данная статья.

Интерес к гуситской эпохе чешской истории был своеобразным откликом на чешское национальное возрождение, отголоски которого стали доходить в Россию уже в 20-е годы XIX века¹. Труды чешских ученых привлекли к себе внимание, некоторые из них были переведены на русский язык, в научных кругах Петербурга и Москвы шла речь о приглашении ряда чешских ученых в Санкт-Петербургскую Академию наук и университеты². В Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах в 1835 г. были учреждены кафедры славянских наречий. Почти все первые преподаватели на этих кафедрах принадлежали к числу славянофилов. Они ратовали за освобождение славянских народов, за сохранение и приумножение их культуры, выступали против немецких националистических теорий о внеисторичности славян.

Славянофилов заинтересовал тот факт, что на чешских землях христианство первоначально было принято под византийским влиянием. Их понимание православия отличалось от ортодоксального. Вопрос о взглядах славянофилов на православие требует специального изучения. Но не подлежит сомнению, что славянофилы вели православие от кирилло-мефодиевской традиции, которая сложилась задолго до распада церкви. К тому же в начале XV в. были очень сильны униатские тенденции и на Западе и в Византии, что было хорошо известно славянофилам. Это и давало им возможность создать своеобразную концепцию гуситских войн. Она сложилась в спорах с известным чешским буржуазно-либеральным историком Ф. Палацким, который видел в гусизме только нравственные и религиозные цели и национальную идею, а также с западниками, пытавшимися выяснить роль народных низов в этом движении. Т. Н. Грановский в своих лекциях по истории средних веков, прочитанных в Московском университете, говорил и о Чехии XV века³. Он отмечал участие в чешских событиях сельского населения, то есть обратил внимание на народный характер гуситских войн. Эта концепция почти не получила при жизни Грановского отражения в печати. Лишь воспитанник Московского университета болгарин С. Н. Палаузов высту-

¹ А. Н. Пыпин. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Изд. 3-е, СПб. 1906, стр. 211.

² См. Ю. Ф. Иванов. Подъем русско-чешских научных и культурных связей (30-е — 40-е годы XIX в.). Сборник «Славянские исследования». Л. 1966.

³ С. А. Асиновская. Из истории передовых идей в русской медиэвистике (Т. Н. Грановский). М. 1955, стр. 126—127.

пил тогда в поддержку некоторых мыслей Грановского. Палаузов сравнивал гуситские войны с французской буржуазной революцией конца XVIII в., находя в этих событиях много общего, и прежде всего то, что обоим явлениям присуще «ниспровержение всего, что могло полагать преграду между высшим и низшим сословиями народа»⁴. Таким образом автор намекал на антифеодальный характер гуситского движения, обнаруживая демократическое понимание сравниваемых им явлений истории. Не случайно «Отечественные записки», душою которых был тогда В. Г. Белинский, весьма сочувственно отозвались о работе Палаузова⁵. Сам Белинский считал Гуса, как и Д. Виклефа и М. Лютера, людьми, которые помогли человечеству сделать шаг по пути к эмансипации от невежества⁶. Белинский высказал также мысль о связи гусизма с другими европейскими реформационными движениями и протестовал против приписывания Гусу славянской исключительности⁷.

Наряду с таким пониманием гуситского движения оформилось и другое его истолкование, у истоков которого стоял О. М. Бодянский. В своей магистерской диссертации, защищенной в 1837 г., он в соответствии со взглядами деятелей чешского национального возрождения рассматривал гуситские войны как национальное движение⁸, направленное против чужеземных нравов, одежды, обычаев и языка. В 1842 г. Бодянский выступил в «Обществе истории и древностей российских» с докладом, в котором первым в русской историографии выдвинул тезис о православном характере выступлений чешских проповедников второй половины XIV — начала XV века⁹. Развивать и доказывать этот тезис начали ученики Бодянского. Появляется, в частности, обширная рецензия В. Елагина на третий том «Истории чешского народа» Ф. Палацкого¹⁰. Доказывая приверженность гуситов к православию, Елагин опирается на мнение И. Ланфана, писателя и историка, гугенотского пастора, бежавшего из Франции после отмены Нантского эдикта и написавшего в изгнании книгу о гуситах¹¹. Елагина удивило то, что Палацкий категорически отверг утверждение Ланфана и других сторонников принадлежности гуситов к православию¹². Елагин видел подтверждение этого тезиса в том, что гуситы, как и православные, принимали причастие хлебом и вином.

Задачу научно обосновать приверженность гуситов к православию взяла на себя ученики О. М. Бодянского — Е. П. Новиков и А. С. Клеванов. Новиков выступил сначала с объемистой статьей¹³, в которой православие представлялось неизменным началом чешского народа. В X в. дворянство и высшее духовенство, утверждает автор, пренебрег-

⁴ С. Палаузов. Иоанн Гус и его последователи. «Москвитянин», 1845, № 7—8.

⁵ «Отечественные записки», 1845, т. X, II отдел. Библиографическая хроника, стр. 43—44.

⁶ См. В. Г. Белинский. Рец. на книгу «Краткая история крестовых походов». Полн. собр. соч. Т. IX. М. 1955, стр. 57.

⁷ Ю. Самарин выдвинул идею, что гуситство было отчаянной борьбой славянства «за сохранение целостной церковной общины, в которую католицизм вводил насильственное раздвоение, привилегированные сословия и т. п.» («Москвитянин», 1847, № 2, отд. III, стр. 144). В ответ на это Белинский заявил: «Гуситская война — событие чисто европейское, католическое, славянского тут только национальное происхождение действователей, да бесплодный для них исход героической, впрочем, борьбы» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. X. М. 1956, стр. 264).

⁸ О. М. Бодянский. О народной поэзии славянских племен. М. 1837, стр. 59.

⁹ О. М. Бодянский. О поисках моих в Познанской публичной библиотеке. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (ЧОИДР). М. 1846, кн. 1, стр. 18—20.

¹⁰ «Об истории Чехии Франца Палацкого». Сочинение Василия Елагина. ЧОИДР. М. 1848, кн. 7.

¹¹ J. Lenfant. Histoire de la guerre des Hussites. Amsterdam. 1714.

¹² В. Елагин. Указ. соч., стр. 6—7.

¹³ Е. Новиков. Православие у чехов. ЧОИДР. М. 1848, кн. 9.

ли этим началом, тогда как народ остался верен православию, что и да- ло себя знать в XIV—XV веках. Как отметила Г. И. Липатникова, Нови- ков для доказательства своих взглядов «обращается к писателю, труд которого никак нельзя назвать источником предгуситской Чехии»¹⁴. Имеется в виду публицист XVII в. П. Странский, который для усиления антикатолического звучания своего трактата «О государстве чешском» (1633 г.) вымысел выдавал за действительность. В Гусе Новиков тоже видел одного из борцов за православие. К их числу он относил и чашни- ков на том основании, что они причащались хлебом и вином. Табориты в статье не упоминались, а восстание объяснялось слепым иступлением «неразумной черни»¹⁵.

Точку зрения Бодянского и его последователей пытался учесть и Т. Н. Грановский. В своих лекциях, прочитанных в Московском универ- ситете в 1849/50 учебном году, отмечая политический и национальный моменты в гусизме, он сделал упор на то, что спор в Чехии шел в XV в. между католицизмом и пониманием христианства, «державшимся более восточного православия»¹⁶.

Только А. И. Герцен высказывал в то время взгляды о социальном характере гуситского движения. Именно поэтому его внимание привлека- ли прежде всего табориты. Значение их борьбы для судеб чешского на- рода он отмечал еще в 1850 году. А в 1854 г. он писал: «Славяне, как вам известно, первые начали великую борьбу с папством и впоследствии придали этой борьбе характер глубоко социальный (табориты)»¹⁷. Спу- стя несколько лет, в 1860 г., Герцен подтверждает свою позицию, назы- вая Чехию страной таборитов, родиной Гуса и Иеронима Пражского¹⁸. Гуса Герцен рассматривал как великого славянского еретика, жертву римской нетерпимости¹⁹.

В 1848 г. была готова к печати другая работа Е. П. Новикова, в которой были широко привлечены документы, относящиеся к деятель- ности Гуса и к его времени. Но издать ее сразу не удалось. Цензура в условиях революции 1848—1849 гг. признала тему опасной, и книга увидела свет только через 10 лет²⁰. В ней автор стремился обосновать отличие путей исторического развития славянских и неславянских наро- дов Европы²¹. Отношения между славяно-православным и романо-гер- мано-католическим мирами трактовались в плане извечной борьбы вос- точного и западного начал. Новиков сравнивал Гуса и Лютера прежде всего в целях демонстрации различий чешской и немецкой реформаций. Автора не интересовали условия, в которых протекала та и другая. Для него реформация была воплощена в личностях, и все различие обуслов-

¹⁴ Г. И. Липатникова. К изучению гуситского движения в русской дорево- люционной историографии. «Вопросы истории славян». Воронеж. 1963, стр. 75.

¹⁵ Е. Новиков. Указ. соч., стр. 10. Ф. Палацкий в чешском издании своего тру- да (в немецком этого нет), как бы отвечая Елагину и Новикову, писал: «Несостоя- тельным кажется мне утверждение новейших писателей, будто некоторые обычаи и предания греко-славянской церкви тайно сохранились в чешском народе со времени Мефодия во всех позднейших столетиях». Далее он подчеркивал, что ни в одном изученном документе гуситской эпохи нет и намека на православие чехов (Fr. Pa- laček. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D. I. c. I. Praha. 1850, str. 7—8).

¹⁶ «Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья». М. 1971, стр. 317.

¹⁷ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Собр. соч. Т. VII. М. 1956, стр. 145; его же. Старый мир и Россия. Письмо к Линтону. Собр. соч. Т. XII. М. 1957, стр. 170.

¹⁸ А. И. Герцен. Россия и Польша. Собр. соч. Т. XIV. М. 1958, стр. 40.

¹⁹ См. А. И. Герцен. Мания доносов. Собр. соч. Т. XX. М. 1960, стр. 362.

²⁰ Е. Новиков. Гус и Лютер. Тт. I—II. М. 1859.

²¹ Г. И. Липатникова считает, что эта концепция была связана с позицией сла- вянофилов в годы Крымской войны (Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 77). Од- нако она упускает из виду, что книга Новикова была написана задолго до войны и была ответом немецким националистам, которые использовали этнические различия для обоснования правомерности господства немецкой буржуазии в славянских землях.

ливалось тем, что Гус в противоположность Лютеру, жившему мирскими интересами, «оставался в пределах чисто религиозной деятельности»²². На этом основании предпочтение отдавалось чешской реформации. Результаты того и другого движения во внимание не принимались²³. Если в опубликованной в 1848 г. статье Новиков, говоря о православном характере гусизма, все же не решался признать Гуса православным, то в книге он делает такой вывод. Между тем обвинение в православии Гусу не предъявляли даже на Констанцском соборе, настолько оно было несостоятельным²⁴.

В условиях пореформенной России интерес к гуситскому движению значительно возрос. Среди научных и политических факторов, способствовавших этому, немаловажное значение имело оживление чешского национального движения, особенно в связи с образованием в 1867 г. Австро-Венгрии. В этот период в русской историографии при оценке гуситского движения еще более отчетливо выявились различные позиции. Наряду с концепцией Бодянского, развиваемой его учениками и последователями, утверждается иной подход к существу событий, имевших место в Чехии в XV веке. В 1864 г. журнал «Современник» отмечал, что в ходе гуситского движения «Чехия упорно боролась за религиозную и общественную реформу»²⁵. Это заявление отражало настроения демократических слоев русского общества.

В этих условиях В. К. Надлер²⁶ пытался внести известные коррективы в позицию, отстаиваемую учениками Бодянского. Борьбу славян с немцами Надлер также рисовал как безотчетную антипатию двух народов и признавал существование мистических «народных начал». В Чехии, по его мнению, католическое начало и «восточно-христианский элемент со своей скрытою оппозициею» существовали и боролись еще задолго до появления явной оппозиции католицизму²⁷. Но в то же время он не выставил Гуса борцом за православие, полагая, что этот реформатор просто выступил против опустылевшего всем католицизма, а массы в силу «народных начал» примкнули к нему, как поддержали бы всякое другое выступление против ненавистой им религии.

А. Н. Пыпин, характеризуя историю чешской литературы²⁸, поддержал точку зрения Ф. Палацкого на гуситское движение и подчеркнул значение в нем национального вопроса, хотя возникновение гусизма связывал с ростом образования. Пыпин также отметил, что табориты бо-

²² Е. Новиков. Гус и Лютер. Т. II, стр. 245.

²³ Впрочем, большинству тогдашних ученых реформация представлялась исключительно «религиозным и умственным переворотом, а не общественным явлением» (см. Н. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб. 1882, стр. 293). Тезис об исключительно богословском характере выступлений Гуса до сих пор имеет хождение в буржуазной историографии, хотя их классовый характер давно выяснен историками-марксистами.

²⁴ Работа другого ученика Бодянского, А. С. Клеванова, сданная в набор в 1848 г., увидела свет лишь через 20 лет, и поэтому речь о ней пойдет несколько ниже.

²⁵ «Современник», 1864, № 3, стр. 83.

²⁶ В. Надлер. Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV века. Харьков. 1864. В силу своей противоречивости его взгляды получили в советской историографии несовпадающие оценки. П. И. Резонов, например, отметил, что Надлер проводит обычные для славянофилов идеи, но в более утонченной форме (Предисловие к русскому изданию кн. И. Мазека «Табор в гуситском революционном движении». Т. 1. М. 1956, стр. 6). Другое мнение высказано в «Очерках истории исторической науки в СССР», где говорится, что «Надлер чужд был идеям и крайностям славянофилов» (Т. II. М. 1956, стр. 504). Г. И. Липатникова поддерживает эту точку зрения и находит, что Надлер был в чем-то противоположен славянофилам (Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 84). Такое разноречие — следствие разного понимания существа славянофильства, которое являлось сложным и неоднозначным течением.

²⁷ В. Надлер. Указ. соч., стр. 59.

²⁸ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. Обзор истории славянских литератур. СПб. 1865.

ролись с феодализмом, под которым он понимал сословное деление общества, то есть фактически признал социальный характер движения. То, что гуситские войны велись в религиозной форме, автор объясняет значением религии в средние века и ролью, которую играла католическая церковь в Западной Европе. Весьма вероятно, что Пыпин был знаком с работой Ф. Энгельса «Крестянская война в Германии».

История гуситов заинтересовала одного из деятелей общества «Земля и Воля», П. А. Ровинского. Отдавая дань научным заслугам Ф. Палацкого, Ровинский не копировал слепо его концепции, а выдвигал свою. Для него гусизм — движение «национально-социальное», причем последнюю сторону он подчеркивал, признавая ее преимущественное значение. Суммируя факты, Ровинский писал: «Никогда чехи не возмутились бы против католицизма в идее, если бы с ним не связано было угнетение низших классов и германизация». Национальной борьбой, которая разгорелась между чехами и немцами, воспользовались, по его мнению, средние состоятельные слои горожан, «чтобы стряхнуть давивший их гнет власти и страшное бремя налогов»²⁹. Следовательно, Ровинский сумел в общем правильно оценить значение национальной борьбы чехов как борьбы, в ходе которой решались и социальные задачи.

Тогда же было опубликовано исследование близкого к народникам либерального литературоведа К. К. Арсеньева³⁰. Его работа была своеобразным ответом на полемику, развернувшуюся в Чехии между немецкими националистами типа К. Гёфлера, всячески принижавшего заслуги Гуса, и деятелями чешского национального движения, для которых имя Гуса было девизом борьбы за восстановление прав, которыми Чехия обладала до вхождения в состав монархии Габсбургов. В защиту Гуса от незаслуженных наветов выступил Ф. Палацкий³¹. К. К. Арсеньев подержал чешского ученого³² и на основе анализа источников пришел к выводу, что чешский магистр никогда не питал враждебных чувств к немцам. В статье Арсеньева проводилась мысль о справедливости Кутногорского декрета 1409 г. о реформе Пражского университета, которым были восстановлены права чехов. Но автор не смог понять причины, заставлявшие Гуса выдвигать национальные требования (в статье говорилось, что Гус боролся с немцами «лишь настолько, насколько этого требовали его политические и в особенности религиозные убеждения»³³). Национальный вопрос Арсеньев не связывал с противоречиями, которые выявились в чешском обществе в конце XIV — начале XV века.

Истории гуситского движения посвятил в эти годы ряд своих работ А. Ф. Гильфердинг³⁴, также учившийся у Бодянского. Гильфердинг не настаивал на том, что православная традиция в чешском народе сохранялась со времен Кирилла и Мефодия. Он утверждал, что православие было восстановлено чешским королем Карлом I в середине XIV в. в

²⁹ П. Ровинский. Главные моменты в истории чешского народа. «Современное обозрение», 1868, март, стр. 452.

³⁰ К. Арсеньев. Ян Гус и чешская национальность. «Вестник Европы», 1868, № 9.

³¹ C. Höfler. Magister Johans Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag 1409. Prag. 1868; F. Palacký. Die Geschichte des Hussitentums und Professor Constantzin Höfler. Prag. 1868.

³² В России нашлись и защитники К. Гёфлера. А. Л. Дювернуа, сменивший Бодянского на кафедре славяноведения Московского университета, в своей работе полностью солидаризировался со взглядами Гёфлера (А. Дювернуа. Станислав Зноемский и Ян Гус. М. 1871. Первоначально работа печаталась в «Московских университетских известиях», 1870, кн. 9). А. Н. Пыпин так отозвался о работе Дювернуа: «Книга с большими изысканиями, но странным направлением» (А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур. 2-е изд. Т. II. СПб. 1881, стр. 857, прим. 2). Г. И. Липатникова показала, что Дювернуа не останавливался перед прямой подтасовкой фактов (Г. И. Липатникова. Указ. соч., стр. 82).

³³ К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 379.

³⁴ А. Гильфердинг. Очерк истории Чехии. Собр. соч. Т. 1. СПб. 1868; его же. Гус и его отношение к православной церкви. СПб. 1871.

целях усиления отпора немецкому влиянию. Православное богослужение, по мнению автора, дало идею, которая воскресила чешский народ и подорвала католическое влияние на него. Гуситские войны Гильфердинг называл «славянской революцией», задачей которой было окончательное утверждение православия как «славянской религии». Борцами за веру он считал чашников и поэтому относился к ним с большей симпатией. Примечательно, что, излагая учение Гуса о церкви, автор пользовался работами не Ф. Палацкога и его продолжателей, с которыми полемизировал, а упоминавшегося выше Ланфана. Гильфердинг видел в Гусе только борца за веру, который стремился устранить из католичества все нововведения, исказившие чистоту учения древней вселенской церкви. Он считал, что если бы Гусу удалось выполнить свои намерения, то в Чехии само собой восстановилось бы православие³⁵.

Между тем среди русских историков росли сомнения относительно правильности посылки, выдвинутой Бодянским. Поэтому В. А. Бильбасов только вскользь упомянул о православии гусизма, выдвинув на первый план нравственную силу Гуса. Он нашел в Публичной библиотеке в Петербурге брошюру, содержащую четыре письма Гуса из констанцской тюрьмы на родину, изданные в 1537 г. на немецком языке М. Лютером, который во введении к ним выразил свое восхищение Гусом. Бильбасов опубликовал со своим предисловием эту брошюру, снабдив ее оригинал русским переводом³⁶. Тогда же начинается, наконец, публикация написанного 20 лет назад труда ученика Бодянского А. С. Клеванова³⁷. Концепция его целиком совпадала с разработанной выше точкой зрения Новикова. Исходя из посылки о резком различии характера славян и немцев, А. С. Клеванов искал для гусизма, как явления, возникшего на славянской почве, особый фундамент, не имеющий ничего общего с основой подобных явлений в неславянских странах. Он нашел его в православии, которое якобы тайно со времени принятия христианства сохранялось в чешском народе. Причем автор старался представить гуситское движение «законным», санкционированным королем, не упуская при этом случая покритиковать Палацкога за изображение гусизма как национального движения³⁸.

Представление о гусизме как борьбе чехов за православие стало подвергаться в русской историографии все более решительной критике. Об этом свидетельствовали и отклики на работу Бильбасова. Автор неподписанной рецензии на нее, напечатанной в «Отечественных записках», отвергал принадлежность Гуса и гуситов к православию. «Нужно совершенно сойти с исторической почвы и натягивать факты зубами, руками и всеми мускулами тела, только не головой, — писал он, — чтобы доказывать с предвзятой целью, что гуситское движение было сознательным стремлением со стороны чехов обратиться в лоно православия»³⁹. Однако сам рецензент видел в гусизме лишь богословскую ересь без всякого социального содержания.

Одновременно с выходом в свет книги А. С. Клеванова публикуется работа П. Васильева, решительного противника изображения гусизма как борьбы за православие. Он первым поднял вопрос о том, что свидетельство Странского, которое легло в основу всех доводов в пользу этой концепции, «неавторитетно и недостоверно», и отметил, что сторонники ее зачастую игнорировали принцип исторического подхода к

³⁵ А. Гильфердинг. Гус и его отношение к православной церкви, стр. 10, 12.

³⁶ В. А. Бильбасов. Чех Ян Гус из Гусинца. СПб. 1869.

³⁷ А. С. Клеванов. Очерк истории чешского вероисповедного движения. М. 1876. Первоначально эта работа под заголовком «История религиозного движения в Чехии» печаталась в ЧОИДР, 1869, кн. 3, 4; 1870, кн. 2; 1871, кн. 3; 1873, кн. 2; 1874, кн. 2, 3; 1875, кн. 1. Листы монографии, опубликованные в 1869 г., набирались еще в 1848 г. (см. «Голос», 1870, № 22).

³⁸ А. С. Клеванов. Указ соч., стр. 5, 181, 281.

³⁹ «Отечественные записки», 1869, № 8, стр. 310.

фактам и их оценке. Вывод Васильева гласил: «Категорическое положение «о православии» чешского народа, о хранении им православных преданий из века в век ничем не доказано...»⁴⁰. Кроме того, Васильев выступил против представлений об исключительности гуситского движения, рассматривая его в качестве религиозной реформации, подобного такого рода явлениям в других странах Европы. Однако дальше чисто религиозного понимания гуситского движения он не пошел. Между тем в русской историографии к тому времени уже обозначился отход от взглядов на учение Гуса как чисто религиозное.

В 70-е годы XIX в. получает все большее обоснование точка зрения, согласно которой гуситское движение содержало в себе как национальные, так и социальные моменты. Большой интерес в этом плане представляет работа Х. Ящуржинского, само заглавие которой звучало непривычно⁴¹. Содержание ее тоже отличалось своей оригинальностью. Автор обратил внимание на чешские сочинения Гуса. Их значение незадолго перед тем подчеркивал чешский ученый А. Ленц⁴², с трудом которого Ящуржинский ознакомился. Гус, писал Х. Ящуржинский, не только религиозный и национальный деятель, он коснулся «общественного положения чехов, их социального строя и бытовых отношений»⁴³. Но автор, по существу, не анализировал трактаты Гуса. Он лишь подобрал ряд его высказываний о морали, семейных отношениях, католической церкви, судебном устройстве Чехии и т. д. В комментариях к этим высказываниям Ящуржинский идеализировал и модернизировал взгляды Гуса, отрывая их от чешской действительности XV века. У него выходило, что Гус стоял во главе просвещения чешского народа, указывал своей родине «идеал ее гражданских отношений»⁴⁴, а по своим убеждениям являлся демократом. Демократию Ящуржинский рассматривал как внеклассовую категорию, как некое свойство души человека. Такое толкование уводило его далеко от верного понимания демократизма Гуса, носившего отчетливо бюргерский характер и направленного на устранение некоторых вопиющих несправедливостей при сохранении феодального строя в целом.

В ряде работ 70-х годов XIX в. русскими историками был затронут вопрос о международном значении гусизма. В. И. Ламанский обратил, в частности, внимание на отзвуки гуситских войн в Германии и Франции, на интерес к этому событию в Англии⁴⁵. Однако эти факты он пытался использовать для обоснования панславистских идей. И. Первольф, изучавший межславянские связи, отметил факт помощи, оказанной гуситам русскими из Галиции⁴⁶. Но ввиду отсутствия источников эта тема в дальнейшем не разрабатывалась.

К началу 80-х годов XIX в., когда в европейской позитивистской историографии уже появились исследования, затрагивавшие социальные аспекты проблемы, тематика русских историков по гусизму расширяется⁴⁷, наряду с общими работами появляются монографические исследования. Среди тех и других работ этого времени выделяются статьи

⁴⁰ П. Васильев. Причины и характер чешского религиозного движения. «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1876, июль, стр. 110, 125.

⁴¹ Х. Ящуржинский. Социально-политическое учение Гуса (по чешским сочинениям). «Варшавские университетские известия», 1878, № 4.

⁴² A. Lenz. Učení mistra Jana Husi na zaklade latinských i českých spisův jeho. Praga. 1875.

⁴³ Х. Ящуржинский. Указ. соч., стр. 8.

⁴⁴ Там же, стр. 87.

⁴⁵ В. И. Ламанский. Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI, XVII вв. Историко-литературные и культурные очерки. «Славянский сборник». СПб. 1876, № 1.

⁴⁶ И. Первольф. Франц Палацкий. ЖМНП, 1874, декабрь, стр. 220.

⁴⁷ F. Bezold. Zur Geschichte des Hussitentums. Culturhistorische Studien. München. 1874; W. W. Tomek. Dějepis města Prahy. D. III. Praha. 1875; «Huss et la guerre des hussites», par Ernest Denis. P. 1878.

А. С. Венгерова. Правда, позиции его были противоречивы. Выступая против трактовки Бодянского, Гильфердинга и др., обособлявших гусизм от других движений, Венгеров сам пытался обосновать особую его исключительность, считая, что он «представляет собой крайне редкий случай чисто нравственного движения»⁴⁸. Свое мнение Венгеров обосновывал ссылками на моравского историка Б. Дудика и деятеля чешского либерального движения в революции 1848 г. Ф. Браунера, считавших, что положение крестьян в Чехии накануне гуситских войн было благополучным и, во всяком случае, лучшим, чем в соседних странах⁴⁹. «Вот почему,— писал Венгеров,— протест этот нельзя назвать экономическим»⁵⁰. Как и славянофилы, он занимался поисками исконных начал славянской и немецкой души и пришел к заключению, что немцам искони присуща несвобода, а славянам — демократия⁵¹. Демократизм славян, полагал он, воспитал у чехов особо утонченное нравственное чувство, которое не давало им мириться со злом, и этот же демократизм привел их к гуситскому движению — борьбе за нравственные идеалы.

Но уже вскоре, занявшись изучением таборитов, Венгеров отошел от своих прежних взглядов и признал, что во время гуситских войн «народ проливал свою кровь в надежде на лучшее общественное будущее»⁵². Он задался целью выявить основные положения учения таборитов и в результате опроверг мнение тех, кто видел в таборитах узкую секту, и показывал популярность их идей в народе. Он написал также о введении таборитами общности имущества, истолковывая этот факт как проявление вечных принципов человечества. Вместе с тем Венгеров верно объяснил причащение таборитов хлебом и вином как меру, продиктованную их стремлением ликвидировать возвышение духовенства над мирянами. Венгеров подробно остановился на еретической народной секте адамитов, входившей в состав таборитского лагеря, и пришел к выводу, что было бы большой ошибкой считать истиной все сообщения о них, содержащиеся в хронике Лаврентия из Бжезова, принадлежавшего к чашникам. Его критика этого источника по истории гуситского движения не утратила своего научного значения и поныне.

Существенно обогатило научные представления о гусизме и второе издание «Истории славянских литератур» с расширенным разделом о чешской литературе, написанным А. Н. Пыпиным. В нем автор гораздо яснее высказал свое мнение о гусизме как национальной борьбе чехов с немцами. Религиозный вопрос Пыпин рассматривал лишь как способ выражения национальных чаяний. На вопрос, во имя чего велась эта борьба, он пытается ответить, оперируя лишь моральными категориями. Борьба, оказывается, «основывалась на стремлении возвысить нравственно народную массу»⁵³. Такая трактовка была связана с тем, что Пыпин понимал историю как последовательное воплощение духа истины и справедливости. Русскую медиевистику последней четверти XIX в. чрезвычайно занимала проблема народных движений, что и отразилось на работе Пыпина. Как и Венгеров, он уделил основное внимание таборитам, их идеям, их революционной практике. Пыпина заинтересовал вопрос, почему «гуситское движение разрослось до размеров, еще не виданных Европой..!»⁵⁴. Но ответить на него он не мог, так как оставал-

⁴⁸ А. С. Венгеров. Причины гуситско-таборитского движения. «Русская мысль», 1881, № 12, стр. 77.

⁴⁹ B. Dudik. Mährens allgemeine Geschichte. Bd. I. Brno. 1859; F. Brauner. Über die Robot-Ablösung. Prag. 1848.

⁵⁰ А. С. Венгеров. Указ. соч., стр. 87.

⁵¹ Там же, стр. 93.

⁵² А. С. Венгеров. Табориты и их общественно-политические идеалы. «Вестник Европы», 1882, № 8, стр. 581.

⁵³ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур. Т. II. 2-е изд., стр. 853.

⁵⁴ Там же, стр. 897.

ся в целом в рамках идеалистического истолкования явлений общественной жизни.

На русских историков, затрагивавших проблемы гусизма, конечно, оказывала воздействие и пореформенная действительность России. Об этом свидетельствует, в частности, одно из высказываний Н. И. Кареева. Раскрывая национальную и антицерковную направленность гуситских войн, он говорил в своих лекциях: «Восстание его (Гуса.— Ю. И.) последователей против церкви было новым предостережением, ясно говорившим, что, если реформа не будет произведена сверху легальным путем, ее попытаются произвести снизу путем революции»⁵⁵.

С конца 80-х годов XIX в. в трактовке гусизма в русской историографии стали отчетливо проявляться реакционные тенденции, что в какой-то степени может быть объяснено наступившей в стране политической реакцией. Так, Н. А. Осокин, хотя и признавал, что выступление Гуса было продиктовано национальными интересами, расценивал гуситские войны как движение «с правильного пути». Народ шел к таборитам, считал Осокин, «с целью наживы в предстоящей резне»⁵⁶. А. Трачевский в предисловии к русскому переводу книги Жорж Санд о Жижке прославлял чешского короля Карла I, который якобы настолько поднял уровень народного благосостояния, что исключалось всякое недовольство. Зачинщиками бунта Трачевский считал шляхту, негодовавшую на онемеченных панов, и мещанство⁵⁷, пытаясь тем самым свести народное движение к узкословному восстанию.

В годы первой русской революции, когда интерес к крестьянству и его борьбе снова возрос, гусизм привлек внимание А. К. Дживилегова⁵⁸. Он считал, что гуситское движение началось с реформации, в которой наряду со светскими феодалами участвовали крестьяне. Ничего не получив от секуляризации церковного имущества, крестьяне перешли затем к революционным действиям, добиваясь снижения денежного оброка. Такое представление о требованиях крестьянства было упрощенным. Стремление его снизить размер феодальной ренты, конечно, имело место в Чехии XV в., но главное заключалось в недовольстве крестьян феодальным строем в целом. Впрочем, упрощением являлось и то, что автор игнорировал роль бюргерства и не принял во внимание наличие национальных противоречий в средневековой Чехии.

Русская дореволюционная историография гусизма завершается изданием лекций М. К. Любавского, прочитанных в Московском университете и отличающихся богатством фактического материала. Изложение истории гусизма этим ученым отличалось большим вниманием к социальной истории предгуситской Чехии, в том числе к последствиям внутренней колонизации на немецком праве, превратно толкуемой им как причина улучшения жизни крестьян. Что касается чешского города, то, проводя формально-юридический анализ его устройства, он не увидел роста классовых противоречий внутри городской общины. Он считал, что учение Гуса носило чисто религиозный характер и лишь после смерти проповедника «известные классы чешского общества стали требовать переустройства согласно слову божью не только церковных порядков, но и общественных отношений»⁵⁹. О том, какие классы выдвигали это требование, Любавский в своих лекциях не говорил. На первом плане у него стояла религиозная сторона, на втором — национальная, объясняемая им в отрыве от классовых отношений.

⁵⁵ Н. И. Кареев. Введение в курс истории нового времени. Варшава. 1884, стр. 35.

⁵⁶ «История средних веков. Университетские чтения профессора Н. А. Осокина». Т. II, ч. 2. Казань. 1889, стр. 940, 941.

⁵⁷ Жорж Санд. Ян Жижка. СПб. 1902, стр. VII.

⁵⁸ А. К. Дживилегов. Крестьянское движение на Западе. М. 1906

⁵⁹ М. К. Любавский. История западных славян (прибалтийских чехов и поляков). М. 1917, стр. 120.

Как уже отмечалось выше, в начале 80-х годов XIX в. в русской дореволюционной историографии наряду с общими работами, касающимися гуситского движения, появились и специальные, авторы которых рассматривали отдельные аспекты этого явления. Так, появилась монография И. С. Пальмова, основанная на материалах, извлеченных из книгохранилищ Австрии и Саксонии. Этот профессор Петербургской духовной академии доказал, что обряд причащения мирян хлебом и вином не является специфически православным. Он выяснил, что католическая церковь запретила причащать мирян вином, желая внешне подчеркнуть этим превосходство церковной иерархии над мирянами⁶⁰. Однако дальше Пальмов не пошел и поэтому игнорировал социальный смысл требования гуситов ввести для всех причащение хлебом и вином. Он ограничился выводом о том, что «чаша являлась символом религиозно-нравственных убеждений гуситов и одновременно служила отличительным признаком чехов в их борьбе за национальную самостоятельность». Вместе с тем Пальмов подчеркнул сходство чешского движения с аналогичными явлениями средневековья⁶¹. В последующих работах он попытался смягчить крайности точки зрения Бодянского — Гильфердинга и их сторонников по поводу православия гуситов, не отвергая эту концепцию в целом⁶². На противоречивость позиции Пальмова справедливо указала Л. П. Лаптева⁶³.

В середине 80-х годов XIX в. русских ученых особенно занимала проблема отношения Гуса к Д. Виклефу в связи с выходом в свет работы немецкого историка Й. Лозерта, который стремился представить Гуса простым последователем английского реформатора и принизить роль чешского проповедника, якобы незаслуженно возвеличенного славянскими историками⁶⁴. Против Лозерта выступил Т. Д. Флоринский. Он указал на то, что Лозерт не рассматривает чешские сочинения Гуса, а они, будучи обращены непосредственно к народу, имели главное влияние на развитие гуситского движения, и их изучение не согласуется с мнением о Гусе как слепом подражателе Виклефа. Рассмотрев моменты, которые различают обоих реформаторов, Флоринский заключил: «Если главная задача, вызвавшая чешское движение, заключается в виклефизме, то отчего же последний не произвел ничего подобного гуситству ни в Англии, ни в других западноевропейских государствах? Очевидно, дело не объясняется так просто. Гуситство — явление сложное; оно подготовлялось задолго до выступления Гуса в качестве проповедника в Вифлеемской часовне и возникновения споров о положениях Виклефа в Пражском университете». Здесь автор фактически сформулировал мысль о том, что протест Гуса был выражением объективных потребностей чешского общества XV века. Гус «сумел стать во главе этого протеста, а учение Виклефа дало ему лишь необходимые средств-

⁶⁰ И. Пальмов. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб. 1881, стр. 60.

⁶¹ А. И. Озолин придерживается иного мнения. «Пальмов,— пишет он,— старался доказать, что чешское движение представляло собою диаметрально противоположность другим западноевропейским реформационным движениям» (А. И. Озолин. Из истории гуситского революционного движения. Саратов. 1962, стр. 24). Согласиться с таким утверждением трудно, потому что Пальмов вслед за фразой, которую пересказал А. И. Озолин, добавляет: «Эта точка зрения, как известно, принадлежит чешско-моравским братьям XVI—XVII вв. (Странскому, Коменскому и др.) и подробно развита уже нашими учеными славянофильского направления» (И. Пальмов. Указ. соч., стр. 142, прим. 1). Сам же Пальмов придерживается противоположного мнения (см. И. Пальмов. Указ. соч., стр. 258—259).

⁶² См. И. Пальмов. К вопросу о сношениях чехов-гуситов с восточной церковью в половине XV в. СПб. 1882, стр. 4; его же. Чешские братья в своих конфессиях. Т. 1, вып. 1. Прага. 1904, стр. 29.

⁶³ Л. П. Лаптева. Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX — начала XX в. «Исследования по славяно-германским отношениям». М. 1971, стр. 293.

⁶⁴ «Huss und Wiclif. Zur Genesis der hussitischen Lehre». Von Johann Loserth. Prag. u. Leipzig. 1884.

ва для борьбы»⁶⁵. К мнению Флоринского присоединились и другие русские историки. Они показали неправомочность самой постановки вопроса у Лозерта, поскольку заимствования Гуса сводятся по преимуществу к выпискам из сочинений различных богословов, являвшихся общим достоянием науки того времени⁶⁶.

Однако в России нашлись и последователи Лозерта. Так, В. Михайловский написал статью, в которой пересказал содержание книги австрийского профессора и сделал вывод, что Виклеф выработал учение, а Гус применил его на практике, не дав ничего своего, поэтому «наука не имеет права считать чешского реформатора самостоятельным богословским мыслителем»⁶⁷. Правда, Михайловский не стремился унижить Гуса, как это делал Лозерт, и оговаривался, что такое распределение ролей несколько не умаляет значения Виклефа и Гуса. Дело, конечно, не в унижении или возвышении кого-либо из этих деятелей, а в том, что учение Гуса имело более сильное социальное звучание, чем ересь Виклефа.

Внимание русских ученых конца XIX — начала XX в. привлек П. Хельчицкий, который по своим взглядам может быть отнесен к правому крылу таборитов. Либеральным авторам в учении Хельчицкого импонировало то, что он отрицал революционную борьбу, проповедовал непротивление злу насилем, призывая к духовному совершенствованию и полагая, что такая мера скорее любых других поможет переустройству общества. Некоторые из этих авторов проводили аналогии между взглядами Хельчицкого и Л. Н. Толстого⁶⁸, который интересовался произведениями чешского мыслителя. Изучением наследия Хельчицкого занялся ученик В. И. Ламанского Ю. С. Анненков. Однако ранняя его смерть прервала задуманную им работу. Свет увидели небольшие ее фрагменты, содержащие источниковедческий анализ сочинений Хельчицкого⁶⁹. Кроме того, Анненков подготовил к изданию на языке подлинника и в русском пересказе два его трактата⁷⁰.

Для выяснения взглядов Хельчицкого многое сделал другой ученик Ламанского, Н. В. Ястребов. В своем первом труде он попытался установить, в чем Хельчицкий сближался с таборитами, а в чем расходился. Разделяя их воззрения на общественное устройство, Хельчицкий расходился с ними в оценке войны, так как стоял за ее безусловное запрещение. На этом основании Ястребов ставил Хельчицкого выше таборитов и выше Гуса⁷¹, поскольку последний допускал применение меча ради правды. Он установил принадлежность перу Хельчицкого несколь-

⁶⁵ Т. Флоринский. Гус и Виклеф. «Университетские известия». Киев. 1884, № 5, стр. 122—123.

⁶⁶ См. М. Н. Петров. Лекции по всемирной истории. Т. II, ч. II. Изд. 2. СПб. 1908, стр. 119; ср. В. А. Кракау. Новое немецкое исследование о Гусе и Виклефе Лозерта. «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества». СПб. 1884, № 5.

⁶⁷ В. Михайловский. Джон Виклеф и Ян Гус. «Русская мысль», 1885, № 3, стр. 167.

⁶⁸ Кульбакин. Петр Хельчицкий — чешский Толстой XV столетия (по поводу 500-летия Кутногорского декрета). «Вестник Европы», 1909, № 11.

⁶⁹ J. Appenkov. Příspěvek k životopisu Petra Chelčického. «Časopis Českého muzea» (далее — ССМ). 1870. В русском переводе: Ю. Анненков. Магистр Протива — «новый» чешский писатель XV века. «Сборник, изданный в честь В. И. Ламанского его учениками». СПб. 1883. Совместно с чешским ученым А. Патерою он опубликовал статью: «O nově nalezenem rukopise spisů Petra Chelčického podávaji zpravu Jiří Appenkov a Adolf Patera». ССМ, 1881. После смерти Ю. С. Анненкова была напечатана его статья: «Vypiski z Pařížského rukopisu spisů Štítného a Chelčického podava Jiří Appenkov». ССМ. 1885.

⁷⁰ «Сочинения Петра Хельчицкого». I. Сеть веры. II. Реплика против Бискупца. «Труды Ю. С. Анненкова». СПб. 1893.

⁷¹ См. Н. В. Ястребов. Хельчицкий и Гус. «Новый сборник статей по славяноведению. Составленный и изданный учениками В. И. Ламанского». СПб. 1905.

ких трактатов⁷² и опроверг мнение чешского историка Я. Голла, считавшего, что Хельчицкий «написал реплику против Рокицаны» именно в 1450 г., и показал, что с такой точностью трактат датировать нельзя⁷³. Но главной работой Ястребова явилась монография «Этюды о Петре Хельчицком и его времени» (СПб. 1908). Заслуга автора состояла в том, что он первым в русской историографии начал изучение таборитского хилиазма — религиозно-мистического учения об установлении «тысячелетнего царства» справедливости — и установил роль хилиастов в развитии гуситского движения. Он заметил, что после 1424 г. их влияние падает и одновременно ослабевает боевое настроение гуситов. Объяснить такую зависимость автор не смог, не ясна ему была тогда и классовая принадлежность хилиастов⁷⁴. Такой широкий исторический фон нужен был автору, чтобы доказать отличие Хельчицкого от левых таборитов. Причем у него получалось в итоге, что тот или иной деятель занимал свою позицию только благодаря своим личным качествам, а не в силу классовых интересов тех, кого он представлял. Подчеркивание Ястребовым слабых сторон учения Хельчицкого характерно как одно из проявлений русского либерализма, который после 1905 г. занял враждебную позицию в отношении революции, хотя и не одобрял крайностей царизма.

Подводя общий итог изучения гуситского движения в русской историографии, прежде всего следует отметить, что благодаря Венгерову, Пальмову, Ястребову и другим историкам был накоплен большой фактический материал о Гусе и гуситских войнах, сделаны отдельные ценные выводы и наблюдения, обозначилась проблематика дальнейших исследований. Материалом, введенным в научный оборот дореволюционными историками, пользуются и советские ученые. Следует учитывать и то, что в чешской буржуазной историографии к концу 70-х годов XIX в. наметился отход от прогрессивных традиций в трактовке гусизма. Палацкий в последнем издании своего труда (1877 г.) перестал подчеркивать национальную сторону гусизма и на передний план выдвигал моральную. Чешские историки-позитивисты перенесли симпатии на чашников. В это время лучшие представители русской исторической науки, напротив, стали подчеркивать роль таборитов в чешской и общеевропейской истории, признали социально-политический фактор в качестве причины гуситского движения. Богатая традиция исследования гусизма в дореволюционное время облегчила становление марксистской трактовки этого важнейшего явления в советской исторической науке.

⁷² См. Н. В. Ястребов. Петра Хельчицкого «O trojgiem lidu rzec o duchownych a swietskych». Чешский текст с введением и русским переводом. «Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук». Т. 77. СПб. 1904.

⁷³ Н. В. Ястребов. Когда был написан трактат П. Хельчицкого «Реплика против Рокицаны». «Сборник трудов в честь Н. Кареева». СПб. 1914.

⁷⁴ Позже Ястребов близко подошел к пониманию классовой природы хилиазма. Составляя программу курса славяноведения, он писал об отношениях в Чехии в конце XV века: «Общее ухудшение положения крестьян; признаки недовольства крестьян как предвестники гуситского «хилиазма» (Н. В. Ястребов. Программа истории славянских народов. Пгг. 1916, стр. 18).